

поводу сюжета, но в повести он более продуктивен и органичен. Констатирующая идеологема повести компенсирует вынужденную лаконичность или фрагментарность действия, оправдывает “нетипичность” и “случайность” сюжета, превращая его в один из многих возможных примеров, подтверждающих неизбежное торжество сформулированной напрямую автором посылки. Она фиксирует уровень обобщенно-типического, повествование же - частного и случайного, поэтому они взаимодополняют и обогащают друг друга, а не оказываются семантическими дублерами, как в романе этого времени. Но “беллетристичность” светской повести проявляется в жесткой ограниченности возможного уровня постижения мира и человека, его заданностью прямой авторской формулой. Последняя, в свою очередь, как правило, воспроизводит прямо или косвенно общеизвестную литературную формулу, знаменующую начало и конец поля “свободы” автора и читателя в рамках известной и авторитетной литературной традиции.

К. И. Шарафадина
Омск

“ЛИЦЕЙСКО-ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ” ПУШКИН КАК НЕОМИФОЛОГЕМА ПОЭТИЧЕСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

Одним из магистральных принципов смысловой архитектуры поэтического раздела Пушкинианы является моделирование образа поэта в контексте хронотипических ценностей, через их фокус. Будучи соотносимыми с реальными топосами-прототипами пушкинской биографии, в мифологизирующем поле культурной памяти они приобретают статус знаково-семиотический и становятся, в свою очередь, почвой для формирования неомифологем, пополняющих фонд номинаций адресата. Например, Болдино как феномен дионисийствующего Дара и связанная с ним неомифологема “болдинского труженика” или Юг как родина пушкинского романтизма и “южный” Пушкин как ультраромантический “изгнанник”, прототип собственных героев. Наконец, Лицей как хронотоп дома, ставшего невольной заменой родному, по известной версии Ю. М. Лотмана, а шире - хронотоп “истока” дара, начало его отсчета, в котором декорации Царского Села являются более чем откровенной аллюзией Эдема (1811-1817, т.е. собственно отрочество и ранняя юность) заменена хронологией креативности, исчисляемой от “младенчества” до “юности”. Смотри, например: “и гармонические

звук его младенческие руки умели рано извлекать" (А. Полежаев), "еще в младенческие лета любил он песен дивный дар" (Ф. Туманский), "чуткий отрок затрепещет, и в младых глазах заблещет поэтический рассвет" (П. Вяземский), "курчавым мальчиком под сень иных садов вошел он в первый раз" (А. Апухтин), "с юных лет прельщаешь лирой золотою" (Я. Толстой) и т.п.

В "лицейско-царскосельскую" тему наиболее существенный вклад внесли В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, П. Вяземский, А. Полежаев, А. Апухтин, И. Анненский, К. Фофанов, С. Городецкий, М. Кузмин, Н. Клюев, А. Ахматова, Э. Голлербах, Вс. Рождественский, Б. Чичибабин. На обзоре текстов этих авторов и построены наши основные обобщения и выводы.

Выделим главные знаковые комплексы, которые сопровождают тему "лицейского" Пушкина. Это прежде всего садово-парковые интерьеры Царского Села, выполняющие функцию метонимии "Лицея" или его пейзажно-ландшафтной "рамы". Их исток - в концепте "сады Лицея", сложившемся в творчестве поэта (исчерпывающее описание его дал Д. С. Лихачев). Из его богатой семантики - мир уединенного размышления, чтения, а также свободы, беззаботности, дружества и любви - Пушкинiana востребовала почти все названные смысловые варианты, но, как правило, при этом тема креативности становилась общим знаменателем, темой-магистралом. Сравни, например: "грации слетали к нему, оставя эмпирей, и невидимками гуляли с царем цевниц в садах царей" (Ф. Глинка), "в садах Лицея... расцвел наш юный корифей" (А. Полежаев), "где в шуме лип руша его жива, где он за музой устьем пересошим шептал, как чудо, русские слова" (Б. Чичибабин).

В стихотворной беллетристике Пушкинiana "сады Лицея" становятся мемориальным маршрутом, на котором ландшафтные, дендрологические, архитектурно-скульптурные и другие приметы играют роль опознавательных знаков, культурных цитат. К их числу относятся, например, "аллеи", "липы", "озеро", "лебеди", "колонна", "розовое поле", "дева с разбитым кувшином" (скульптурный фонтан "Молочница") "пруды", "сосны", "(Екатерининский) дворец". В таких декорациях инсценируются хрестоматийные мемуарные свидетельства, которые приобрели в культурной памяти статус неких эмблем, напоминающих порой почти "лубочные картинки" (по простоватости и наивности их репродуцирования). Сравни, например: "Здесь Катюшу Бакунину Пушкин любил / Повстречать на прогулке у клена, / И над озером первые строфы сложил / Про шумящих славой знамена" (Вс.

Рождественский); или "Один (лебедь - К.Ш.) в полете величавом / Взметнулся ввысь и, недвижим, / Пал перед отроком курчавым / И распластался перед ним..." (В. Мануйлов).

На таком фоне выгодно выделяется "лиценистика" И. Анненского и А. Ахматовой. Анненскому пушкинское Царское Село мыслится навсегда отошедшей в прошлое "грезой" и "небылицей", отношения с которой у настоящего непоправимо оборваны: "там все, что навсегда ушло". Царское Село для него - духовная родина русской поэзии, а юный поэт - *genius loci*: "Там стала лебедем Фелица / И бронзой Пушкин молодой...". Ему вторит Ахматова, заставляя "смуглого отрока" уходить все дальше и дальше от нас: "лелеем еле слышный шелест шагов". И Анненский, и Ахматова не описывают коллизии эмблематичного свойства (например, чтение стихов в кругу друзей или знаменитый лицейский экзамен): они создают ощущение присутствия рядом с адресатом, который является субъектом, а не объектом текста и авторской рефлексии.

Другой знаковый комплекс "лицейско-царскосельской" Пушкинианы связан с иконографией адресата. Излюбленными портретными деталями, которые зачастую заменяют "визитную карточку" обозначенной темы, стали, по нашим наблюдениям, эпитеты "кудрявый" (вариант "курчавый") и "смуглый" (ср. у С. Городецкого - "курчавый смугленьш"). Если они и восходят к известному рисунку, изображающему поэта в его отроческой (раннелицейский) период, авторство которого предположительно приписывается лицейскому гувернеру и учителю рисования С. Г. Чирикову, как к прототипическому, то их семантика в Пушкиниане, как правило, не уместается лишь в рамки атрибутирования адресата. В большинстве случаев они выполняют функцию "экспозиции персонажа", имеющую характерологическую, биографическую, а также условно-поэтическую и культурологическую содержательность. Сравни, например: "с венчанной лаврами кудрявой головой" (А. Григорьев); "чернокудрявый, огнеокий" (В. Бенедиктов); "шелк хмельной виноградных кудрей" (М. Зенкевич); "под углом кудряво-смуглым / Дремуча глубь торфяников" (Н. Клюев); "над угольком, чья тайна так светла, / Склонялись в ласке нежные богини" (Б. Чичибабин).

Показательна смена номинаций адресата в "лиценистике" от XIX к XX веку: от "юного корифея", "юного певца", "вещего отрока" - к "егозе", "арапчонку", "буйному увальню", "курчавому смугленьшу", "угольку". Подоплекой такой замены может быть расширение "словаря" общекультурного кода номинаций творца, продиктованное сменой

представления о феномене его креативности, ее истоках и природе: от мифопоэтического представления - к культурологическому, от сакрального - к светскому.

Наконец, отметим, что поэтическая Пушкиниана тотально, категорически оспаривает пушкинистику в достаточно скептической оценке художественных достоинств лицейской лирики, высказываемой вполне авторитетными исследователями разных поколений (от Вал. Брюсова до В. Сквозникова). Для нее нет "Пушкина допушкинского периода" - есть Поэт: "До наших лет из той лицейской кельи / Сияет свет мальчишеской свети" (Б. Чичибабин).

Н. А. Швабауэр
Екатеринбург

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА СРЕДНЕГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ.

Типологическое сходжение проявляется при параллельном развитии мифологических систем. На разной национальной почве вырабатываются соответствия в формах возникновения и бытования. Условия творческой типологии заключаются в сходстве основ мифологического мышления, условий общественного бытия и быта, в сближении понятий и верований. Общность воплощается через повторяемость образов, сюжетов, мотивов.

В фольклоре горняков разных стран наблюдается сходство фантастических персонажей по причине специфичности бытования: ограниченности распространения, профессиональной ориентации, отражения состояния производительных сил и производственных отношений, узкой локализации без перехода в общенародный фонд.

На материале рабочего фольклора Среднего Урала и Западной Германии устанавливается ряд формально-функциональных соответствий между демонологическими персонажами. Духи выступают как подлинники "хозяева земли", распоряжающиеся ее недрами и влияющие на судьбы людей. Позднее оформляются образы духов-рабочих. Начальная основа - исторические предания, крестьянские демонологические персонажи, местные промысловые культы, кладонскательские предания, волшебная сказка. Корни горных духов - в одухотворении природы. Первоначально они враждебны всем людям. Потом - только по отношению к злым, подлым, жестоким и жадным. В некоторых поздних образах воплощаются социальные